

Этнографическое обозрение

1889. № 1

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Э91

Э91 Этнографическое обозрение: 1889. № 1 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 188 с.

ISBN 978-5-517-92500-8

Издание Этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

ISBN 978-5-517-92500-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Приступая къ изданію спеціальнаго журнала, посвященнаго этнографіи Россіи, мы полагаемъ, что онъ не только не будетъ несвоевременнымъ, но, напротивъ, будетъ отвѣчать настоятельной потребности, которая ясно сознается русскимъ обществомъ. Развитие русской этнографіи, возрастающее съ каждымъ годомъ, наглядно доказываетъ, насколько необходимымъ спеціальнымъ органъ въ этой области отечественной науки. Въ то время, какъ за-границей уже десятки лѣтъ издаются въ значительномъ количествѣ разные этнографическіе журналы, у насъ до настоящаго времени не дѣлалось даже опыта подобнаго изданія. Такое положеніе дѣла служить немалымъ тормазомъ для развитія нашей этнографической науки.

Правда, существуетъ въ Россіи довольно много ученыхъ обществъ, и нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ при себѣ этнографическія отдѣленія, которыя печатаютъ результаты своихъ изслѣдованій въ ученыхъ трудахъ. Но участіе въ обществахъ и ихъ изданіяхъ доступно лишь небольшому кругу людей, большей частью спеціалистовъ; большинство же этнографовъ-любителей, въ особенности провинціальныхъ, лишь изрѣдка находятъ себѣ пріютъ въ какомъ-нибудь губернскомъ, офиціальному или частному изданію, въ какой-нибудь мѣстной газетѣ, причемъ они невольно должны приравнивать къ характеру этихъ изданій не только внѣшнюю форму изложенія, но и самое содержаніе своихъ работъ, иногда вопреки научнымъ требованіямъ, сообразуясь лишь съ извѣстнымъ кругомъ читателей. Отсюда происходитъ поверхностность и недостатокъ научности въ большинствѣ подобныхъ работъ, въ противоположность излишней сухости и учености, какою съ другой стороны отличаются изданія ученыхъ обществъ, большей частью обреченныя, какъ по своему содержанію, такъ

часто и по цѣнѣ, на незначительное распространіе среди болѣе широкаго круга образованныхъ читателей.

Мы хорошо сознаемъ, что согласить научность содержанія съ популярностью изложенія—дѣло далеко не легкое, но все-таки болѣе или менѣе возможное, и въ области этнографіи оно, быть можетъ, достижимо болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Поэтому мы не отказываемся отъ надежды хотя отчасти удовлетворить этия требованія. Популяризація научныхъ выводовъ и разработка вопросовъ мало исследованныхъ или вовсе не затронутыхъ наукою—вотъ главная задача изданій, подобныхъ нашему, и къ выполненію этой задачи мы, по мѣрѣ силъ, будемъ стремиться.

Для приведенія въ извѣстность этнографическаго матеріала, появляющагося въ разныхъ изданіяхъ, а также для опредѣленія состава и количества литературныхъ силъ, работающих въ области русской этнографіи, мы будемъ обращать особое вниманіе на библиографическій отдѣлъ нашего изданія, въ которомъ постараемся, если не сразу, то постепенно, достигнуть возможной полноты.

Не задаваясь слишкомъ широкимъ планомъ, мы ограничимся, по крайней мѣрѣ на первое время, содержаніе нашего журнала предѣлами Россіи, не устранивъ ни одной живущей или жившей въ ней народности изъ круга нашего изученія. Изъ этой области въ журналѣ найдутъ себѣ мѣсто статьи, касающіяся самыхъ разнообразныхъ вопросовъ этнографическаго характера, какъ по внѣшнему, такъ въ особенности по внутреннему, духовному быту народа. Поэтому мы и не даемъ заранѣе подробной программы нашего изданія; запомнимъ только, что въ общемъ мы будемъ держаться предѣловъ тѣхъ программъ, которыя выработаны ранѣе Этнографическимъ Отдѣломъ и изданы въ 1887 г., въ VIII нн. его «Трудовъ».

«Этнографическое Обзоріе» рассчитано на 4 книжки въ годъ (2 въ весеннее полугодіе, 2 въ осеннее), приблизительно по 10 листовъ каждая. Въ виду того, что изданіе открывается не съ начала года, въ текущемъ году выйдутъ только три книжки.

О задачахъ русской этнографіи.

(Нѣсколько справокъ и общихъ замѣчаній).

Русская этнографія существуетъ не со вчерашняго дня. Если даже оставить въ сторонѣ тѣ отрывочныя этнографическія данныя, которыя разбросаны въ литературныхъ памятникахъ до-Петровской эпохи, въ лѣтописяхъ, хронографѣхъ, космографіяхъ, „хожденіяхъ“, статейныхъ спискахъ, отдѣльныхъ сказаніяхъ, — то все-таки исторія русской этнографіи начинается почти одновременно съ исторіей научной этнографіи вообще. Правда, мы имѣемъ на западѣ цѣлый рядъ описаній путешествій, изданныхъ въ XVII, даже въ XVI вѣкѣ, и нѣкоторыя изъ нихъ заключаютъ въ себѣ не мало интересныхъ свѣдѣній о разныхъ народахъ, съ приложеніемъ нерѣдко любопытныхъ рисунковъ (достаточно указать, напримѣръ, на путешествія Герберштейна, Олеарія, Де-Бри, многихъ португальцевъ и голландцевъ); но, во-первыхъ, этнографическій элементъ въ нихъ является болѣе или менѣе случайнымъ, и, во-вторыхъ, онъ ограничивается большею частью тѣмъ, что доступно туристу, не выказывая стремленія проникнуть глубже въ народныя особенности, подвергнуть ихъ сравнительному изученію, воспользоваться ими для общихъ вопросовъ исторіи или языкознанія. Только въ XVIII вѣкѣ полагаются первыя основы научнаго, сравнительнаго изученія языковъ, религій, быта, вводится въ употребленіе самый терминъ „этнографія“ и дѣлаются попытки воспользоваться этнографическими данными для расширенія предѣловъ исторіи и для болѣе глубокаго пониманія древнѣйшихъ стадій развитія человѣческаго духа, человѣческой культуры,

человѣческаго общества *). Но въ теченіи того же столѣтія этнографическіе вопросы обратили на себя серьезное вниманіе и въ Россіи. Озабоченный своими филологическими разысканіями, Лейбницъ обращается къ Петру Великому и Шафирову и проситъ ихъ о собраніи образцовъ различныхъ нарѣчій въ предѣлахъ Россіи для того, „чтобы путемъ сравненія ихъ дойти до познанія происхожденія скинскихъ народовъ“. Въ 1716 году русское правительство заключаетъ контрактъ съ докторомъ Мессершмидтомъ о поѣздкѣ послѣдняго въ Сибирь для изученія этой страны, причѣмъ онъ обязывался также заниматься „описаніемъ сибирскихъ народовъ и филологією“. Желаніе Лейбница исполнилось только въ 1786 г. въ изданномъ Екатериною II сравнительномъ словарѣ языковъ (*Linguarum totius Orbis Vocabularia comparativa August-*

* По словамъ Бастіана (*Die Vorgeschichte der Ethnologie*, 1881, S. 15), впервые терминъ „этнографія“ былъ введенъ въ употребленіе въ изданіи: „*Ethnographische Bildergallerie*, Nürnberg, 1791. Первоначально терминъ *Ethnici* противопоставался термину *Christiani et Judaei* и обнималъ всѣ народы, за исключеніемъ христіанъ и евреевъ. Это видно изъ сочиненія *Hospitalianus*, *De festis*, первая часть котораго, изданная въ Женевѣ, въ 1675 году, озаглавлена: *De festis Ethnicorum et Iudaeorum*, а вторая, 1679 года: *De festis Christianorum*.—Позже однако терминъ *ethnici* сталъ прилагаться къ изученію всѣхъ вообще народовъ.—Къ XVIII вѣку относятся труды Лейбница, Везинна, Анкетеля Дюперрона, Дюмаса, лорда Монбоддо, Герваса и другихъ—по языкознанію; Гогъ, Стібса, Мейнера, Гердера—по исторіи культуры, причѣмъ впервые сознается важность изученія современныхъ, особенно дикихъ народовъ, для пониманія быта народовъ древности и вводится въ употребленіе самое слово „культура“ въ современномъ его значеніи. Известно, что это латинское слово, заключающее въ себѣ понятіе о заботѣ, разведеніи, употреблялось сперва рѣдко въ сельско-хозяйственномъ смыслѣ, но уже Цицеронъ и Гораций переносятъ его на заботы о воспитаніи, а Цицеронъ называетъ также философію „культурой духа“. Въ средніе вѣка „cultura“ применялась только къ земледѣлію, но испанцы стали употреблять его и въ смыслѣ воспитанія чловѣка и духовнаго облагороженія. Въ Германіи, въ концѣ XVIII вѣка, съ словомъ „Kultur“ стало соединяться понятіе объ облагороженіи и утонченіи всѣхъ духовныхъ (и физическихъ) силъ чловѣка и народа, стало обозначать просвѣщеніе, освобожденіе отъ предрассудковъ, также смягченіе и утонченіе нравовъ. Гердеръ заявляетъ о необходимости „статистики странъ“ для подготовки „исторіи культуры народовъ“.

tissimae cura collecta, Petropoli. 1876. Sect. prim. Pars. I), но изученіе различныхъ народностей Россіи началось поль-вѣкомъ ранѣе. Въ 1733—37 гг. Г. Ф. Миллеръ и І. Г. Гмелинъ, при содѣйствіи Штеллера и Крашенинникова, собрали массу этнографическихъ данныхъ въ предѣлахъ Сибири, и Крашенинниковъ, въ особенности, составилъ интересное описаніе быта камчадаловъ, народа, находившагося еще тогда въ перво-бытной стадіи каменнаго вѣка. Это описаніе, появившееся въ печати ранѣе, чѣмъ совершились знаменитые кругосвѣтныя экспедиціи Лаперуза, Кука, Форстера,—не утратило своего интереса и въ настоящее время, какъ одно изъ древнѣйшихъ, правдивыхъ и обстоятельныхъ изображеній быта и нравовъ неизвѣстнаго дикаго народа на берегахъ восточной Азіи. Въ 1768 г. начался новый циклъ ученыхъ экспедицій, въ которомъ приняли участіе Палласъ, Гмелинъ младшій, Гюльденшtedтъ, Лепехинъ, Зуевъ, Рычковъ, Фалькъ, Георги и другіе. Всѣми этими изслѣдователями были собранъ богатый запасъ свѣдѣній по географіи, естественной исторіи и этнографіи различныхъ областей Россіи, особенно Урала, Сибири, Киргизскихъ степей и Кавказа. Что касается этнографическихъ свѣдѣній, то онѣ касались, разумѣется, болѣе внѣшней обстановки быта; тѣмъ не менѣе въ трудѣ Палласа—о монгольскихъ народностяхъ—была сдѣлана попытка обозрѣть не только бытъ, но также исторію этихъ племенъ, ихъ религію, общественное устройство и т. д. Около того времени, какъ въ Германіи были изданы первые опыты систематическаго описанія различныхъ народовъ, съ приложеніемъ ихъ изображеній (Ethnographische Bildergalerie и др.), и у насъ появилась книжка *Миллера*: „Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то: черемисъ, чувашъ и вотяковъ“, С.-Пб. 1791, съ рисунками, и гораздо болѣе обширный трудъ *Георги*: „(Описаніе всѣхъ обитающихъ въ россійскомъ государствѣ народовъ“. Вышедшее сперва на нѣмецкомъ языкѣ, это послѣднее сочиненіе было затѣмъ издано два раза на русскомъ, причѣмъ второе изданіе, 1799 года, полнѣе оригинала и снабжено ста изображе-

ніями народовъ. При составленіи своего труда Георги пользовался, кромѣ собственныхъ наблюденій, еще описаніями Миллера, І. Гмелина, Крашенинникова, Штелера, Фишера, Рычкова, С. Гмелина, Палласа, Лепехина, Рычкова, Лема, Клингштедта, Гегстрема, Шлетцера и другихъ, и вообще его трудъ, по своей обширности и числу описанныхъ въ немъ народовъ, едва ли имѣлъ въ то время равныхъ въ западно-европейской литературѣ. Рядомъ съ инородцами, въ немъ описаны и русскіе, но, сравнительно, болѣе кратко и поверхностно, да и то по преимуществу въ историческомъ отношеніи *).

XIX вѣкъ внесъ въ изученіе русской этнографіи новые вопросы и новые методы. Трудъ Клапрота объ языкахъ Азій былъ первой попыткой научнаго анализа языковъ массы русскихъ инородцевъ. За нимъ слѣдовали труды Шёгрена и Кастрена, положившіе начало сравнительному изученію финскихъ языковъ и финской этнографіи. Разсужденіе Востокова о славянскомъ языкѣ (1820 г.) было первымъ русскимъ научнымъ трудомъ въ области славянской филологіи, оцененнымъ однако сначала лишь западными славистами—Копитаромъ и Шафарикомъ. Собственно этнографическія изслѣдованія, серьезное собраніе матеріаловъ по народному, крестьянскому быту, началось лишь въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Ранѣе, въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, при рѣзкомъ отчужденіи высшихъ слоевъ русскаго общества отъ низшихъ, при усвоенномъ презрительномъ отношеніи къ правамъ и обычаямъ „подлаго“ народа, обстоятельное изученіе его быта, возрѣній, вѣрованій, поэзій—было немислимымъ. Немногіе собиратели матеріаловъ по на-

*) Любопытно, что въ предисловіи къ русскому изданію 1799 года доказывается современность труда, между прочимъ, тѣмъ, что многіе народы Россіи подъ вліяніемъ господствующаго языка, религіи и нравовъ утрачиваютъ свои особенности и сближаются съ соседями, а интересъ его — тѣмъ, что „внимательное разсмотрѣніе всѣхъ народовъ, обитающихъ въ Россіи, представляетъ намъ живо древній, простой, естественному состоянію весьма близкій міръ“ и что „грубые наши народы“ выказываютъ сходство по своему образу жизни и нравамъ „со многими дикими другими частей свѣта“.

родному быту выбирали изъ него то, что имъ нравилось или казалось болѣе любопытнымъ и курьезнымъ, часто притомъ еще искажая его—поправкою языка, произвольными догадками, выпусканіемъ излишнихъ, по ихъ мнѣнію, подробностей или сентиментальнымъ, фальшивымъ тономъ. Разработка русской исторіи, потребность составить себѣ болѣе наглядное понятіе о бытѣ предковъ была, кажется, однимъ изъ главныхъ поводовъ и къ собиранію данныхъ о различныхъ сторонахъ современнаго народнаго быта. Впрочемъ, первыя попытки изученія русскихъ древностей (напр. Успенскаго) и мѣологии обходились безъ такихъ аналогій съ народною жизнью, и только въ трудахъ Снегирева, Сахарова, Терещенка—мы видимъ попытки болѣе серьезнаго собиранія этнографическихъ матерьяловъ и истолкованія ихъ (не всегда удачнаго), какъ остатковъ отдаленной старины. Къ тому же времени, именно къ концу тридцатыхъ и къ сороковымъ годамъ, относится починъ научнаго изученія исторіи юридическаго быта, изученія, которое было перенесено затѣмъ и въ область мѣологии, обычая и преданія. Въ обширномъ разборѣ книги Терещенка: „Бытъ русскаго народа“ Кавелинъ сдѣлалъ первый серьезный опытъ объясненія народнаго быта, примѣняя къ народной мѣологии, преданіямъ и обычаямъ тотъ способъ изслѣдованія, какой исторія юридическаго быта прилагала къ учрежденіямъ *). Значительное вліяніе на движеніе русской этнографической науки оказало далѣе, съ одной стороны, знакомство съ славянскимъ міромъ и его литературой, въ лицѣ Срезневскаго, Бодянскаго, Надеждина и иныхъ, съ другой—знакомство съ сравнительно-филологическимъ методомъ, съ новыми направленіями, внесенными Боппомъ, Поттомъ, Гриммомъ, позже Маннгардтомъ, Бенфеємъ и т. д. въ науку о языкѣ и сравнительную мѣологию и приложенными къ соотвѣтственнымъ отраслямъ знанія въ Россіи—Буслаевымъ, Аванасьевымъ, Котляревскимъ, Веселовскимъ и другими. Извѣстную долю вліянія оказали

*) *Литинъ*, „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ“. Сиб. 1878, стр. 196.

также многіе русскіе беллетристы, обратившіеся къ изученію народной жизни и къ ея художественному воспроизведенію или, подобно Далю, занимавшіеся собираніемъ матеріаловъ по русскому народному языку, записываніемъ словъ, поговорокъ, сказокъ, повѣрій и т. п.

Всѣ эти труды въ области изученія русской народности были однако выраженіемъ лишь стремленій отдѣльныхъ частныхъ лицъ, и только въ концѣ сороковыхъ годовъ возникло въ Петербургѣ ученое Общество, принявшее этнографическія изслѣдованія подъ свое руководство и покровительство. Основанное въ 1845 году, Русское Географическое Общество поставило цѣлью своего „Отдѣленія Этнографіи Россіи“ собираніе „свѣдѣній о прежнемъ и нынѣшнемъ состояніи племенъ, вошедшихъ въ составъ государства, въ отношеніяхъ: физическомъ, нравственномъ, общественномъ и языковѣдѣніи“. Въ первыхъ двухъ книжкахъ „Записокъ“ этого Общества, вышедшихъ вторымъ изданіемъ въ 1849 году, были помѣщены двѣ статьи, составляющія какъ бы введеніе къ послѣдующимъ трудамъ членовъ Общества въ области этнографіи. Одна изъ этихъ двухъ статей, составившая сообщеніе, сдѣланное въ засѣданіи 6 марта 1846 г. академикомъ К. Э. Фонъ-Бэрѣмъ, первымъ предсѣдателемъ этнографическаго отдѣленія, озаглавлена: „Объ этнографическихъ изслѣдованіяхъ вообще и въ Россіи въ особенности“ *).

Бэръ, какъ извѣстно; былъ ранѣе профессоромъ анатоміи въ Кѣнигсбергѣ, а затѣмъ, переселившись въ Петербургъ, занявъ здѣсь мѣсто академика по кафедрѣ зоологіи, позже—анатоміи, и читая анатомическіе курсы въ медико-хирургической академіи, интересовался особенно антропологіей, изученіемъ человѣческихъ племенъ въ физическомъ или соматическомъ отношеніи. Но, понимая антропологію въ обширномъ смыслѣ, Бэръ, по примѣру Причарда, вполнѣ признавалъ важность изученія племенъ и въ психическомъ,

*) Статья эта была написана по-нѣмецки, но читана въ засѣданіи въ русскомъ переводѣ, который и былъ помѣщенъ въ „Запискахъ“.

бытовомъ отношеніи. „Еслибъ богатый человѣкъ,—такъ начинаетъ онъ свою статью,—желая оставить прочный памятникъ своей любви къ наукамъ и къ Россіи, спросилъ меня, что ему сдѣлать для этого,—я отвѣчалъ бы: доставьте возможность изслѣдованіемъ Россіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ составить полное этнографическое описаніе нынѣшняго населенія ея и дайте средства издать подобное описаніе. Этимъ вы оставите по себѣ сочиненіе, которое никогда не можетъ быть измѣнено и улучшено, и съ коимъ будутъ справляться самые отдаленные потомки, такъ какъ нынѣ мы ищемъ свѣдѣній въ твореніяхъ Геродота и вообще въ первыхъ литературныхъ произведеніяхъ народовъ... Запасы для работъ этнографическихъ уменьшаются съ каждымъ днемъ вслѣдствіе распространяющагося просвѣщенія, которое сглаживаетъ различія племенъ. Народы исчезаютъ и остаются одни имена ихъ. Исторія открытія Сибири показала много именъ народовъ, которые уже не существуютъ. Нѣкоторыя племена близки къ уничтоженію, напр. Ливы и Кривинги. Хотя небреженіе къ физическимъ и нравственнымъ различіямъ племенъ ведется издавна, и вслѣдствіе того память о нихъ теряется, но еще есть многое въ этомъ отношеніи, что могло бы быть собрано и что съ теченіемъ времени уменьшится, а наконецъ и вовсе исчезнетъ. Всѣ свѣдѣнія, кои еще возможно соединить, составляютъ сокровище, которое съ теченіемъ времени возрастетъ въ цѣнѣ... Богачъ, о комъ я говорилъ, есть наше Географическое Общество. Оно желаетъ собрать свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ, имѣя для этого немаловажныя средства (Географическому Обществу была пожалована ежегодная субсидія въ 10,000 р.). Но оно должно желать, чтобы труды его были оцѣнены въ ученое свѣтъ и чтобъ они имѣли достоинство постоянное. Посему не должно ли оно предложить себѣ вопросъ: на какія изслѣдованія употребить прежде всего эти средства? И не слѣдуетъ ли отвѣчать: употребите ихъ для работъ такого рода, матеріалъ коихъ уменьшается съ каждымъ днемъ, и коль скоро исчезнетъ, то уже никакъ не можетъ быть созданъ

вновь, и притомъ такихъ, которыя будутъ вполнѣ оцѣнены отечественными и заграничными учеными и никогда не потеряютъ своей важности. Посему я совѣтовалъ бы употребить немедленно средства, коими Общество располагаетъ, если не исключительно, то по крайней мѣрѣ преимущественно на этнографическія изслѣдованія въ Россіи, еслибъ только для этого не нужно было продолжительное приготовленіе. Но приготовленіе необходимо. Мы должны сдѣлаться вообще болѣе способными для этнографическихъ работъ и найти людей, кои исключительно посвятили бы себя этому роду занятій“.

Далѣе Бэръ указываетъ на важность этнографіи для исторіи: „Этнографія нашего времени представляетъ современныя племена въ живой картинѣ того положенія, въ коемъ находились другіе народы, давно исчезнувшіе, но о коихъ сохранились еще неясныя сказанія... Исторія, или по крайней мѣрѣ исторія просвѣщенія и этнографія часто заимствуются одна отъ другой и въ основаніяхъ своихъ составляютъ одну и ту же науку... Сравнительная этнографія описываетъ въ настоящемъ тѣ отношенія, о коихъ исторія повѣствуетъ, когда они уже прошли. Такимъ образомъ, исторія образованности человѣчества, написанная Клеммомъ, есть ничто иное, какъ изображеніе жизни народовъ въ теченіе времени. Но кромѣ всеобщихъ свѣдѣній о разныхъ степеняхъ просвѣщенія, подробное знаніе разныхъ народовъ новѣйшаго времени весьма важно для вывода общихъ заключеній тамъ, гдѣ чувствуется недостатокъ въ собственныхъ историческихъ данныхъ. Все, что народъ сохранилъ отъ прошедшаго, можетъ повести часто къ весьма важнымъ заключеніямъ. Сюда мы отнесемъ: физическія свойства народа, умственные способности его, религію, предрасудки, нравы, способы къ жизни, жилища, посуду, оружіе, языкъ, повѣрья, сказки, пѣсни, музыку и проч. Даже часто мѣстныя названія даютъ достовѣрнѣйшія свѣдѣнія, чѣмъ подлинныя документы... Но я никогда бы не кончилъ, еслибъ вздумалъ подробно излагать, какимъ образомъ познаніе племенъ объясняетъ исторію. Это